

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛОЦКОЙ УЕЗДНОЙ МИЛИЦИИ В ГОДЫ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ

Елена Сумко
Полоцк, Беларусь

Доклад подготовлен на основе материалов Зонального государственного архива Полоцка, которые обладают большими информационными возможностями и репрезентативностью. Рассматриваются вопросы, связанные с развитием преступности в Полоцком уезде в период польско-советской войны.

Ключевые слова: міліція, Советско-Польская война, Полоцкій уезд

Польско-советская война внесла свои коррективы в работу Полоцкой советской рабоче-крестьянской уездной милиции. В апреле 1919 г. Полоцкий уезд был объявлен прифронтовой полосой. Необходимо отметить, что по данным на январь 1919 г. уезд включал в себя город Полоцк, 2 местечка, 16 волостей, 2 367 селений, с количеством жителей – 101 007 [1, с. 97]. Полоцкая уездная советская рабоче-крестьянская милиция состояла из нескольких участков (Таблица 1.)

Таблица 1. Участки милиции Полоцкого уезда (декабрь 1918 г.). Таблица составлена по данным ЗГА г. Полоцка - Фонд 220. – Оп.1 - Д. 5. - Л. 59

№ участка	Центр участка	Охватываемая территория
1-й участок	ст. Ловша	Ловжинская, Михайловщинская, Андреевская, Петропавловская волости
2-й участок	г. Полоцк	г. Полоцк, Струнская, Туровлянская, Гомельская,

		Банонская волости
3-й участок	д. Сухой Бор	Замшанская, Артейковская, Юровическая и Ефрасиньевская волости
4-й участок	ст. Дретунь	Александровская, Владимирская, Вознесенская, Николаевская волости

По мере приближения фронта трудоспособное население Полоцка и уезда было задействовано на строительстве укреплений на линии Полоцк – Борисов – Бобуйск – Мозырь [2, с. 153]. По обоим берегам Западной Двины возводились оборонительные сооружения. В первую очередь для военного строительства привлекались пленные или приговорённые к принудительным работам, а также лица, задержанные без документов. Милиционеры не только отвечали за обеспечение объектов рабочей силой, но и сами на протяжении 1919 г. были задействованы на строительстве укреплений, дорог, переправ и мостов [3, с. 137]. Сотрудники милиции не подлежали призыву, но части милиции, находящиеся в районах боевых действий, по согласованию армейских реввоенсоветов и местных исполнительных комитетов могли привлекаться к выполнению военных задач.

Постановлением ревкома (военно-революционные комитеты на территории губернии образованы политотделами 15-й и 16-й армии) город Полоцк и уезд были переведены на военное положение [2, с. 153]. Во второй половине августа 1919 г. фронт приблизился к Полоцку. Часть советских учреждений были эвакуированы, часть распущены.

20 сентября 1919 г. польские войска вышли к Полоцку, к вечеру заняли задвинскую часть города. По воспоминания И.П. Дейниса, ночь прошла беспокойно, шла пристрелка, по городу было выпущено несколько артиллерийских снарядов. В последующие дни обстрел города продолжался, а улицы, ведущие к Двине, были взяты под прицел снайперами. Однако, попытка захватить весь город провалилась и началась позиционная война, которая продолжалась восемь месяцев [2, с. 154]. Польские войска контролировали семь волостей Полоцкого уезда (Начская, Ореховская, Ветринская, Банонская, Гомельская, Вороническая, Туровлянская) и южную часть Полоцка. Управление уездной милиции было эвакуировано в Дретунь, а для охраны порядка в осажденном городе остались 55 милиционеров, которые параллельно с выполнением своих обязанностей, копали окопы, привлекали население к сверхурочным работам, вместе с регулярными войсками участвовали в обороне города [4, л. 28]. По воспоминаниям И.П. Дейниса, в городе было много польских шпионов, которые хорошо ориентировались в городе, и польское командование знало о том, что происходит в городе. Например, осенью 1919 г. обстреливались здания, в которые перемещался штаб ревкома [5, с. 88]. Милиционеры выполняли распоряжения коменданта города по патрулированию улиц, несли ответственность за чистоту в городе, а также занимались погребениями. Каждый день было много погибших, которых хоронили по национальному признаку: православных – на Михайловском кладбище, католиков – на Ксаверовском, евреев – на еврейском, около вокзала [5, с.93]. По воспоминания И.П. Дейниса, поляки не обстреливали похоронные процессии.

В городе не хватало продуктов питания, топлива. Не смотря на то, что в условиях чрезвычайного положения предусматривался расстрел за мародерство, шпионаж и т.д., криминальная ситуация обострилась, грабежи и случаи насилия, как отмечалось в отчётах, увеличились до небывалых размеров. Например, в феврале 1920 г. было совершено нападение на помещение суда на Надвинской улице: взломали шкафы, похитили не только дела и вещественные улики, но даже сорвали и унесли обивку с кресел. На заявление судебных органов о необходимости наказания виновных, начальник милиции ответил следующим образом: «расследование очень трудно произвести и даже не возможно, так как по имеющимся сведениям хищение произведено гражданами всего

Полоцка и даже всего уезда, в чём может удостовериться Бюро Народных Судей, если потрудится пройти по многочисленным лавкам, где найдет сколько угодно архивных дел. Уголовному розыску Полоцкой городской милиции в этом отношении бороться со всеми гражданами города Полоцка и всех их арестовывать, не является возможным. Для пресечения подобных случаев Бюро Народных Судей должно позаботиться о сохранности дел, а не оставлять их на произвол» [4, лл. 180–181]. Процент раскрываемости был невысокий – 10-15 %. Зачастую вооруженные грабежи осуществлялись лицами, которые на лодке переплывали Западную Двину и затем скрывались в зоне, контролируемой поляками.

Что касается неоккупированной части уезда (функционировали 1,3,4 участки), то волостные милиционеры занимались борьбой с контрабандой, дезертирством, самогоноварением, конфискацией оружия и военного снаряжения, составлением списков преступных элементов в подначальной территории. Самыми трудными с точки зрения самих же сотрудников милиции (отражалось в отчетах) были дела, связанными с реализацией, так называемой продовольственной диктатуры. Распространёнными были противодействия в выполнении государственных нарядов, кражи зерна из хранилищ. Например, весной 1920 г. сотрудники уголовного розыска Полоцкой милиции арестовал шесть граждан Юровической волости за кражу хлебных продуктов из амбара при помощи разлома крыши [6, л. 65]. Волостные милиционеры не справлялись с объёмами работы, особенно с организацией гужевой повинности. Нарекания начальнику Полоцкой уездной милиции поступали со стороны ревкомов: «Прошу вашего распоряжения принять меры к доставке подвод. Из назначенных милицией подвод ни одна не вышла. Дальнейшая задержка лишит полк необходимого оружия и овса. Если милиционеры бессильны по своей малочисленности, то вызывайте карательный отряд. Граждане деревни Лысой открыто заявляют, что никуда не поедут, не повинуюсь решению ревкома» [7, л. 6]. В Полоцком уезде увеличилось количество дезертиров, которые, как отмечалось в отчётах, иной раз совершали открытые нападения на граждан и учреждения [3, с. 138].

Много заявлений поступало волостным милиционерам от местных жителей на действия красноармейцев. Самыми распространёнными были жалобы на то, что под видом мобилизации красноармейцы забирали у крестьян лошадей, а затем продавали их. Показательным в этом отношении является заявление от гражданина Замшанской волости, который обратился в милицию с просьбой вернуть лошадь, так как без неё он не мог работать, а купить другую не было денег. Суть заявления сводилась к следующему: «...в сентябре 1919 г. в его отсутствие красноармейцы забрали единственную лошадь, заявив, что лошадь берется по мобилизации. Затем он её обнаружил в другой деревне, а не на фронте» [4, л. 184].

Необходимо отметить, что взаимоотношения между сотрудниками Полоцкой уездной милицией и подразделениями действующей армии были достаточно напряженными. Особенно проблемными они стали весной 1920 г. Неопределённость взаимоотношений привела к ослаблению работоспособности милицейских органов. В ревкомы поступали жалобы, как от начальника Полоцкой милиции, так и от представителей армейской администрации. С мест поступала информация о том, что воинские части не давали проводить обыски и аресты граждан, которые подозревались в преступлениях, препятствовали борьбе с самогоноварением, арестовывали милиционеров, которые пытались им противостоять. Начальник 3-го района Полоцкой уездной милиции в начале апреля 1920 г. представил протоколы о нарушениях со стороны представителей 11 дивизии, в которых были зафиксированы свидетельские показания о незаконных действиях военных на территории подначальных ему волостей. Например, избивание 15 летнего мальчика, стрельба над головой у женщины и т.д. [4, л. 256]. Вскоре начальник 3-го района был арестован представителями 11 дивизии. Руководство Полоцкой советской уездной милиции узнало это от очевидцев ареста и

подало жалобу в Полоцкий уездный военно-революционный комитет: «11 апреля 1920 года воинскими частями 31-й бригады 11 стрелковой дивизии арестован начальник 3-го района уездной милиции Никитин и три милиционера. Причина не известна. Районному начальнику были выданы деньги для уплаты жалования милиционерам. Арест был произведен без представителя и без ведома. Кроме того, поступило заявление от милиционеров всех районов, что они не могут продолжать службу, так как части 11 дивизии угрожают арестами. Более того есть факты, что арестованные таким образом милиционеры сидят уже больше месяца. По причине последнего ареста начальника 3-го района заявляю, что милиция просит принять меры: не допускать произвольных арестов со стороны воинских частей дивизии, чтобы она не вмешивалась в дела милиции. Принять меры к возвращению начальника 3-го района, возвращению отобранного оружия и денег» [4, л. 256].

Работа в условиях военного времени, недовольство материальным обеспечением отражалось на трудоспособности и профессионализме, а также влияло на текучесть кадров. Некоторые сотрудники милиции пытались сбежать за линию фронта или укрыться у родственников. 28 декабря 1919 года начальник Полоцкой уездной милиции поручил начальнику 1-го района следующее: «Предлагаю Вам с поручением немедленно выбыть в д. Горы Домниковской волости для розыска, сбежавшего с городской милиции милиционера Ивана Толопила. По сведениям он скрывается у своей невесты. Толопило унес с собой трехлинейную русскую винтовку» [4, л. 53].

В мае 1920 г. левобережная часть Полоцкого уезда была освобождена, из эвакуации вернулись советские учреждения, а уезд превратился в тыл армии, где сосредоточились крупные военные силы. После окончания военных действий властная вертикаль продолжила свое формирование. Многие наркоматы находились в зачаточном состоянии, о чём свидетельствовали отчётные документы [1, с. 161]. Поэтому местные властные структуры рассматривали милицию как готовый аппарат, который всегда находился под рукой и мог относительно быстро и с применением силы выполнять распоряжения советской власти. Круг обязанностей Полоцкой уездной милиции по оказанию содействия другим ведомствам был достаточно широким, что в свою очередь, влияло на качество работы по охране общественного порядка.

Самым распространёнными в рассматриваемый период видом имущественных преступлений в Полоцком уезде были кражи. Если в 1919 – начале 1920 гг. преобладали кражи продуктов, то в последствие увеличились квартирные кражи и конокрадство. Летом 1920 г. Полоцк был переполнен подводами, которые перевозили имущество военных частей, и ежедневно в милицию поступало по несколько заявлений в день о пропаже лошадей [8, л. 10]. Близость границы, куда сбывали украденных лошадей, осложняло борьбу с данным видом преступления. В середине августа 1920 г. криминальная ситуация обострилась. Полоцкий ревком сообщал, что «город разрушен, имущество расхищается, увеличились повальные разбои и убийства» [3, с. 140].

Военные действия, политика продовольственной диктатуры, неустроенность жизни – все это привело к тому, что люди оказались на грани выживания, заметно возросли случаи девиантного поведения. В отчётах сообщалось, что в Полоцке, наводнённом военными, появилось много женщин, которые в силу определённых жизненных обстоятельств, занимались проституцией. Например, в июле 1920 г. в уголовный розыск Полоцкой милиции военный патруль за бродяжничество доставил 16-летнюю девушку, уроженку Лепельского уезда, неграмотную. В ходе дознания было установлено, что она занимается проституцией – решение было следующее: «заключить в Витебский концентрационный лагерь и принудительные работы сроком до окончания войны с Польшей» [6, л. 91]. Согласно отчётам милиции в городе летом 1919 г. было 9 домов терпимости.

Военные действия в годы польско-советской войны, политика продовольственной диктатуры обострили социально-экономические и политические противоречия.

Большинство правонарушителей были люди, которые ранее не преступали закон. Полоцкая уездная милиция функционировала в условиях военного положения и отсутствия чётких разграничений в полномочиях между различными структурами, чрезвычайными учреждениями.

1. Витебская губерния 1917 – 1924 гг.: док. и материалы / сост.: Н.В. Воронова [и др.]; ред.кол.: В.И. Адамушка [и др.]. – Витебск : Витеб.обл.тип., 2012.
2. Полоцк: Ист. очерк . АН БССР. Ин-т истории; 2-е изд., перераб. и доп. / П.Т. Петриков, М.О. Бич. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
3. Сумко, Е.В. Формирование Полоцкой уездной рабоче-крестьянской милиции (1918-1921)/ Е.В. Сумко // Беларускае Падзвінне : вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II міжнар. навук. Канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г.: у 2 ч. Ч.2 / ПГУ; пад агульн.рэд. Д.У. Дука і інш. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – С. 136–141.
4. Зональный государственный архив города Полоцка (далее - ЗГА в г. Полоцке). – Фонд 220. – Оп.1. – Д. 21.
5. Дейнис, И.П. Полоцк в XX веке (1905-1967) // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. – КП – S 2774.
6. ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 220. – Оп.1. – Д. 43.
7. ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 220. – Оп.1. – Д. 36.
8. ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 220. – Оп.1. – Д. 38.